

«Огород мой уничтожили русские,
вырыв в нем блиндажи, немцы же
вытравили озимые и клеверные поля»:
жизнь православного духовенства
под германской оккупацией
на острове Эзель в 1917–1918 гг.

Публикация И. В. Петрова

Территория нынешних балтийских государств издавна была ареной противостояния России, а впоследствии Советского Союза, с европейскими державами, и прежде всего с Германией. Современные историки предпочитают заниматься описанием событий Второй мировой войны, очень тесно переплетенных с вопросами сотрудничества местного населения с оккупационной администрацией. Полярные взгляды на этот самый сложный и многогранный процесс имеются у исследователей России, в самих государствах Балтии и Германии. Не менее важным представляется изучение истории жизни местного населения в период немецкой оккупации эпохи Первой мировой войны, в результате которой страны Балтии обрели свою независимость. Ту оккупацию во многом можно рассматривать как пролог более поздних событий, сравнивая положение населения в конце 1917–1918 гг. с периодом Второй мировой войны.

Настоящая публикация посвящена жизни православных священнослужителей и верующих на острове Эзель (Сааремаа) в период германской оккупации. Общеизвестным фактом является в целом лояльное отношение к православному духовенству нацистской оккупационной администрации в период Второй мировой войны. В годы Первой мировой войны православное духовенство не могло чувствовать себя столь уверенно — его часто рассматривали не как жертву господствующего в стране государственного строя и потенциального союзника оккупационной администрации, а как стержень политики русификации и скрытого сопротивления.

Петров
Иван Васильевич,
*ассистент,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)*

Для того чтобы осветить этот вопрос, мы обратились к материалам Эстонского исторического архива (Eesti Ajalooarhiiv) в городе Тарту. В его хранилищах есть специальное дело №4031 2 описи фонда №1655 (а именно в этом фонде хранятся практически все имеющиеся материалы о жизни Православной Церкви в Эстонии в синодальный и независимый периоды), которое полностью состоит из докладных записок и рапортов эзельского православного духовенства своему епархиальному начальству с подробным рассказом о периоде немецкого владычества.

Общее отношение практически всех православных пастырей к немецкой оккупационной администрации отрицательное. Вот наиболее часто встречаемые характеристики: «На священно-церк.-служителей смотрели свысока и вызывали их по пустяшному делу в комендатуру, где едва достаивали минутного сообщения глупого, а затем заявляли: “ну это все”. Значит, можешь и уходить»¹. В то же время были и более взвешенные оценки: «Надо сказать, собственно германские солдаты не были так грубы в общении с людьми, как местные немцы и пастор»² или «В общем, ничего чрезвычайного отметить не могу. Было тяжело, правда могло быть и еще хуже. А расписывать и раздувать обличительные явления не хочется, да и не умно. Пользы от обвинений, особенно в настоящем, когда весь мир в брожении, отыскивая смысл своей жизни»³. Зачастую хуже к православным относились лютеранские священнослужители, о чем достаточно четко сказано в публикуемом документе.

Ниже приводится рапорт одного из православных священников, наиболее емко дающий характеристику того периода. В тексте документа (представляющего собой рукописный рапорт одного из священников острова Эзель) сохранены стилистические особенности. Там, где в скобках стоит знак «?», обозначено географическое название, которое не удалось идентифицировать.

«Краткая история пребывания и властвования немцев в Торнимяги, в частности и в Пейдеском приходе»⁴

Немцы, человек 35 егерей, прибыли впервые в Оррисааре вечером 29-го сентября 1917 года. Не доезжая версты до Орресаара, они разделились на две партии: одна поехала занимать местечко Орисааре, другая мызу Томель. Несмотря на то, что на мызе Маазик и в Оррисааре было расположено приблизительно 120 человек русских солдат во главе с помощником этапного коменданта, который имел в своем распоряжении еще два бронированных автомобиля, немцы моментально заняли эти два пункта. До того стремительно и неожиданно было их нападение. В субботу — 30 сентября — около 10 часов утра они были уже на мызе Нейенгоф, откуда наступавшие со стороны г. Арнсбурга русские отряды выбили их около 9 часов вечера и заставили их отступить в Оррисааре, проложив себе таким образом дорогу для от-

ступления по Зиновьевскому мосту на о. Моон. Во время сражения на мызе Нейенгоф я служил всенощную накануне престольного праздника 1-го октября. Молящихся было всего одна прихожанка и некоторые члены семейства причта. В конце всенощной на первом часе вбегает в церковь жена псаломщика Кузеока с криком, чтобы мы ушли из церкви, так как школьное здание уже пробито орудийным снарядом и церкви грозит то же. Успокоив молящихся и окончив всенощную, причем я раздал даже антидор, мы все бросились вон из церкви. В это время ружейные пули летали вокруг нас как шмели. Через час немцы стали отступать из Нейенгофа и прошли мимо церкви, направляясь в Ориссааре. Часов в 9 прибежала жена псаломщика Уфферта, и сообщила, что скоро здесь произойдет, по словам русского солдата, новое сражение. Находясь как бы в крепости, ибо церковь и причтовые здания окружены со всех сторон окопами и блиндажами, я, забрав семью в чем она была, а имущество и дома оставив на произвол судьбы, отправился за 2 версты в деревню Вялта, которая должна была по моему мнению остаться вне поля огня. С собою взял из церкви только Св. Антиминс, Дары и Миро. В воскресенье в церкви не служил, хотя и ходил из деревни домой воскресенье и понедельник и находил дома все в порядке. Из окружающих деревень и народ большею частью бросил свои жилища и вывозил свое имущество в более надежные места. В воскресенье утром началось сражение около Пейдской кирхи, которое окончилось в понедельник вечером, когда русские сдались. В понедельник проходили мелкие стычки с отступавшими русскими войсками, искавшими прохода к морю, на мызе Нейенгоф, в деревне Вяхре, Муй, Метссааро и Нено, отстоящих от церкви в 1–2 верстах. В понедельник вечером, когда русские войска сдались, все немецкие войска со своими штабами собрались в Торнимяги и составили здесь военный лагерь. Во вторник утром, когда я с женой вернулся из деревни, моим глазам предстала страшная картина: весь громадный церковный и школьно-причтовый двор заполнен немецкими солдатами, обозами, пулеметами, хлебовые двери выломаны, все дома, сараи и хлева переполнены солдатами, всюду, куда не помотришь, валяются отбросы убоины, остатки пищи, кучи картофеля, и салаки, и проч. Войти в свой дом нет проходу, еле протискался, благодаря вызванному мной немецкому офицеру, комнаты-полны солдат, — шкафы, коммоды открыты — они пусты, письменный стол разбит, полки пусты, бумаги полная комната, вещей не видать — все лучшее стащено. Зал был занят офицерами, пригласили и меня с женой туда. Вижу висит мой кожаный чемодан с моими же вещами, но нет смелости что-либо сказать. Иду в церковь. Она полна соломы, свечной ящик разбит и пуст, в люстрах все трубочки согнуты и свечи убраны, валяются халаты, одеяла, тряпки, подсвечники расставлены, панихидный стол обращен в столовый стол. Вхожу в алтарь: солома, солдаты в шапках чистят ружья, книги разбросаны, окровавленные тряпки, пустые банки, крышки от консервов. Иду к престолу, делаю земной поклон, хочу приложиться, но нет на нем для этого места, он чем-то облит, на нем расставлены металлические чайники, кружки, монетки, разбросаны куски пищи-мяса, хлеб, валяются окурки от сигар и папирос, а поверх всего положена гитара. Тут я заплакал. Слышу, немцы говорят:

«фатер.» Смотрю — крест и евангелие есть, и прочее есть, но тут же вспомнил про вещи на жертвеннике и пошел посмотреть. Все на месте. Поблагодарил солдат как умел. В ответ получил что, они церковных вещей не трогают, а все же просили унести миро, убрав миро в офицерскую комнату в свой дом.

Проходя в церковь, я увидел, что все мои 11 роев пчел опрокинуты и большей частью горят. Теперь взялся я за них. Из 11 удалось выправить только 7 роев, остальные сгорели вместе с ульями. Просил я солдат, чтоб они не жгли бедных пчел, так как меду в них мало, просил и офицеров об этом сказать солдатам, но когда я через пол часа вышел их посмотреть, то ульи были опять опрокинуты и подожжены. Вижу ничто не поможет, оставил их на произвол дикарей. Три роя собрал на следующее утро, когда победители уехали. Немцы были настолько любезны, когда мы с женой домой пришли, что предложили дать свою подводку, чтобы привезти детей домой. Жена поехала с солдатом. Но в ее отсутствие и то, что она успела от них отнять утром; пропал бесследно и мой чемодан, который был в офицерской комнате. Они уничтожили решительно все съедобное. Когда вернулись дети — им нечего было дать. Вечером просили от офицеров дать хотя бы и немного хлеба детям — не дали. Так и легли мы спать голодные в холодной комнате, которую они для нас очистили. Вечер этот был самый страшный. С Моонских крепостей стреляли из 6, 9 и 12-ти дюймовых по Зиновьевскому мосту, но казалось, будто стреляли по Торнимяги, будто снаряды лопаются у нас в саду. Под такой гул легли мы спать и заснули крепким сном. Чувствовалось какое-то безразличие после всего пережитого и видимого, хотелось даже вечного успокоения. Утром, когда проснулись, немцев уже не было. Но что представляли наш двор, наши дома и здания — военный лагерь после ухода войск — трудно описать. Нашей радости не было конца когда ушли немцы — но не надолго. Не успели мы еще комнат убрать, как явились через два дня артиллеристы — и заняли опять наш дом и все здания, кроме церкви. Нас, 7 человек, втиснули в две маленькие спальни, где мы прожили до 27 февраля, когда и эти войска ушли.

Все соседние дома в Торнимяги, даже волостной дом и почти все деревни в приходе были заняты артиллеристами, пулеметными ротами и полицейскими. В деревнях солдаты вели себя еще сносно, но у нас в Торнимяги, особенно в причтовых зданиях, как офицеры, так и солдаты вели себя настоящими хозяевами, мы чувствовали себя посторонними. Всем оставшимся у нас от первого грабежа, они пользовались и уничтожали не спрашивая. У меня дома не спрашивая брали лампы, мебель, посуду, ломали их, били зеркала, сами из буфета и погреба, что хотели, даже заползали на чердак и оттуда украли два старых моих подрысника на починку офицерских карманов. Хлеба переделали по своему вкусу. Школьный дом обратель в сенной склад и конюшню, плиту из кухни вынесли, устроив в ней кузницу, вторые оконные рамы перепилили, сделав из них форточки и окна в хлевах, нашу солому и мякину скормили своим лошадям, дрова сожгли, доски, лопаты, вилы — разопрали (?), сломали, уничтожили и разрушили все, что еще осталось. Спроси, что от них, так ответ всегда один:

«у нас самих нет». Огород мой уничтожили русские, вырыв в нем блиндажи, немцы же вытравивали озимые и клеверные поля.

Каждый день у них был в офицерской комнате в моей квартире разгул: пьянствовали, играли в карты, пели, играли на рояле и скрипках, и так постоянно до 11–12 часов ночи, а то и до 2–3 часов. Спать невозможно было, дети просыпались от шума и гама, а ложились спать в 6–7 часов из за недостатка керосина и свечей. Начальник их «Hauptmann» жил у нас в двух комнатах, зал обратил в офицерскую столовую, а в нашей столовой жили повар и лакей со свои скарбом, мы же поместились в двух маленьких спальнях. Малыши мои конечно, часто кричали и капризничали. «Hauptmann» этого не терпел. Как только ребенок закричит, сейчас является адъютант «Hauptmanna» с приказами усмирить ребенка, хотя бы розгами. При всех офицерах я заявил, что от розог ребенок будет еще больше кричать, а потому предлагаю ему самому приходиться усмирять его. Конечно, все расхохотались. Раз через адъютанта обещал нас выселить в разрушенную ими приходскую школу, если не прекратится крик и плач детей. Так прожили мы почти всю зиму. Одно утешение находили мы в прихожанах, которые приходили, утешали и помогали всем, чем могли, хотя сами были не в лучшем положении. Все же никто из них не пострадал так, как мы, приблизительно на пять тысяч рублей, и это прихожане чувствовали и знали. Получил же я от немцев в возмещение убытков 1133 рубля. Были даже крестьяне, которые вовсе не пострадали от немцев, и которым солдаты еще приносили ограбленное в соседних и чужих местах. Пострадали и псаломщики, на какую сумму, мне неизвестно.

Над моими длинными волосами и одеждою немцы часто смеялись. В крещение, когда я обходил причтовые дома и здания с молитвой и св. Водю — они говорили: «как у евреев». Чтобы они смеялись над религией, не замечал. В церковь, как православную, так и лютеранскую немцы не ходили.

Когда появились комендатуры, немцы стали по видимому, тише и менее придирчивы. Комендатуры не запрещали прихожанам содержать свое духовенство и ко мне лично в комендатуре относились благожелательно и вежливо.

С назначением Пейдеского пастора Либерга, народных училищ трех волостей — Уемской, Мазиоской (?) и Лаймимяской (?), в которой он состоит пастором, началась его главная деятельность в пользу лютеранства и немцев. На мызе Нейенгоф он открыл церковно-приходскую школу на три волости, назначив в нее учителями своего кистера⁵ и еще одного лютеранина, когда по закону другой учитель должен был быть православный. Раньше у лютеран приходской школы не было вовсе, предшественник Либерга пастор Сицка лет за 15 закрыл Пейдескую лютеранскую приходскую школу, были только некоторые волостные школы. Православную приходскую школу он обратил в волостную народную школу, отняв школьное здание вместе со школьным инвентарем в пользу волости. Учителями в нее назначил псаломщика Уфферта и лютеранина Кодля. Об этих его действиях не был в известность поставлен ни священник, ни приходской совет, все делалось помимо нас. Почти все

вспомогательные школы Либерг закрыл, оставив только лютеранские и назначив в них учителей — лютеран. Православным учителям не доверял. Учителю Левельского прихода Пукку он сказал, что священник не сможет и носу показать в школы. И до сих пор я от школы, хотя инспектора Либерга уже нет. Закон Божий — 2 урока в неделю, преподают православные учителя, если они есть, а если их нет, дети остаются без Закона Божия.

Пастор Либерг, полунемец, всегда был германофилом, как до прихода немцев, так и теперь, конечно в меньшей степени выступая явно. С приходом немцев, он стал усердно ездить по приходу, устраивая молитвенные собрания, на которых хвалил немцев, их веру и вообще все немецкое. Кажется на одном из этих собраний он сказал, что через 5 лет на Эзель не будет ни одного православного, и предлагал всем переходить в лютеранство, чтобы был один пастырь и одно стадо. С уходом же немцев, он теперь сидит дома и уже в приход не выезжает, весь пыл его уже пропал.

Хуже всего он сам себе подгадил сам себе требованиями от православных лиц ругли(?) руги⁶. Даже лютеране удивились такому его требованию и осуждали его. Из 6–7 человек — подлиз все-таки уплатили, прочие же наотрез отказались добровольно платить. Тогда он захотел указанности (?) собирать ругу, кажется, пол-пуда хлеба с хозяйства, но с волости не соглашались на такую обременительную для них сделку. Непредвидимый случай освободил нас от этого. Приехал губернатор, кто-то рассказал ему про пастырские ненасытные требования, коими он может даже вызвать бунт в народе, потребовал к себе пастора. Выслушав объяснение последнего, приказал немедленно оставить свое требование, как незаконное, и возратить тем хлеб обратно, кто уже оплатил. Так его дело не выгорело. Теперь народ его окончательно раскусил и он даже среди лютеран не в уважении.

...рenegатов в Пейдском приходе пару человек, и они своей деятельности ни в чем не проявляли. Один из них арендатор мызы Пельдергоф — Мельдер — был даже в последнее время и.д. коменданта, но и он также ничем не выдавался. Последние ушли из Пейде 6-го декабря 1918 года, и очень неохотно, некоторые даже с плачем.

Пейдский священник Александр Керас

Эстонский Исторический архив. Ф. 1655. Оп. 2. Д. 4031. Л. 22–27об.

¹ Эстонский Исторический архив. Ф. 1655. Оп. 2. Д. 4031. Л. 11.

² Там же. Л. 20.

³ Там же. Л. 12об.

⁴ Там же. Л. 22–27об.

⁵ Кистер — церковная должность у лютеран, причетник пастора.

⁶ Руга — в этом значении, скорее всего, сбор припасов или денежных средств от причта приходскому священнику.

Петров И. В. «Огород мой уничтожили русские, вырыв в нем блиндажи, немцы же вытравили озимые и клеверные поля»: жизнь православного духовенства под германской оккупацией на острове Эзель в 1917–1918 гг. // Новейшая история России. 2015. № 1 (12). С. 203–209.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); ivanpet1990@hotmail.com

Documents about Orthodox Clergy's Life Under German Occupation on Ösel Island, 1917–1918

A publication by I. V. Petrov

AUTHOR: Assistant, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); ivanpet1990@hotmail.com